

Гибель и апофеоз: половая унификация советского патриотизма

Тимоти Пайнич

В период между мировыми войнами *Осоавиахим* (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) стал новым элементом в советском обществе. Гражданская организация Осоавиахима проводила ежегодные патриотические акции по сбору денег и лотереи, а также осуществляла продвижение новых форм «военизированного спорта». Можно сказать, что Осоавиахим отражал сложившуюся между двумя войнами общеевропейскую тенденцию милитаризации общества, то есть, национальной мобилизации в целях организованного производства насилия в контексте ожидаемой «будущей войны»¹.

Но нас в большей степени интересует иной аспект деятельности Осоавиахима. Историк и феминистка Ж.Б. Елштайн (*J. Elshstain*) обращает внимание на значение понятия «вооруженной гражданской добродетели» как части определения роли женщин в современном национальном государстве².

Нигде женщины не были настолько вовлечены в милитаризационный и гражданско-патриотический дискурс, как в довоенном Советском Союзе; и парадоксальным образом, нигде этот дискурс социальной милитаризации не был столь разнообразным и таким спорным.

В вопросе милитаризации советского общества сталинский режим резко отошел от базовых элементов традиционного российского гендерного дискурса. Как заметила российская исследовательница-феминистка Татьяна Мамонина, корни этого дискурса уходят далеко в российскую историю - от мифа о Марье Моревне («русской амазонке») до истории Надежды Дуровой («девушки-кавалериста»)³. Мировая и гражданская войны привнесли опыт современной войны в жизнь многих русских женщин. Тем не менее, их жертвенность понималась лишь как разновидность *мужества*: истории о женских публичных подвигах, которые демонстрировали нарушение традиционных гендерных границ, служили главным образом стимулом для *мужчин*, мобилизуя их на великие дела.

В своей борьбе за модернизацию и милитаризацию социалистической родины сталинизм одновременно и играл на традиционных гендерных различиях, и пытался манипулировать социальным неравенством. В ранний сталинский период внутри Осоавиахима женщинам разрешалось открыто соревноваться с мужчинами в новых силовых публичных представлениях, таких, как массовые стрельбы и авиационный спорт. Но это право на участие и его реализация осуществлялись очень противоречиво, что особенно заметно, если обратить внимание на парашютизм. Здесь простота и функциональность технологии давала возможность женщинам соревноваться с мужчинами напрямую.

В условиях дефицита средств режим «канонизировал» образ героической комсомолки-парашютистки как новой советской женщины с целью поднятия энтузиазма людей. В то же время власть оставляла возможность для *различных* интерпретаций, которых могли бы привести к желаемому результату⁴.

В середине 30-х годов парашютный спорт занял особое место в жизни советского общества. Поддержка местных аэроклубов рассматривалась как необходимая часть жизни каждого «современного социалистического города», и каждый глава региональной партийной организации старался создать свою собственную мужскую и женскую команды парашютистов. Кроме того, к 1935 году парашютизм распространился далеко за пределы закрытых военных баз на открытые площадки аэроклубов Осоавиахима, а также стал общественным развлечением. Парашютные вышки были сооружены как «аттракционы» в городах и больших поселках, за прыжок с вышки часто брали плату⁵. Осоавиахим также пропагандировал парашютизм как зрелищный спорт с помощью публичной демонстрации «парадных прыжков» во время больших общественных праздников⁶. Руководители Осоавиахима хотели произвести впечатление на специально приглашенную публику, состоящую из передовиков-производства и местной партийной верхушки, постановкой эффектных спектаклей с участием падающих с небес женщин. Особенно популярны были «затяжные прыжки», при которых парашютисты прыгали с большой высоты и раскрывали парашют в последний момент. С военной точки зрения, умение выполнять такие прыжки помогало парашютисту избежать обнаружения и спастись от вражеского огня с земли. Однако большинство из этих прыжков совершались ради того, чтобы «побить рекорд», вызвать крики у публики, которая пришла посмотреть на женщин, выполняющих смертельно-опасные трюки (и, может быть, даже для того, чтоб при случае своими глазами увидеть трагедию). По этой причине парашютные прыжки были всегда главным событием на авиашоу и ставились в самом конце программы.

К 1935 году Осоавиахим рапортовал о регулярном участии в кружках и аэроклубах молодежи и о том, что 300 тысяч молодых людей и девушек сделали свой первый прыжок с парашютной вышки⁷.

Однако вряд ли вызовет удивление утверждение, что женщины-парашютистки сталкивались с особыми препятствиями. Во-первых, чтобы прыгать регулярно, человек должен был быть членом комсомола, а также иметь свободное время для посещения занятий в местном аэроклубе⁸. Во-вторых, медицинские ограничения для женщин было строже, чем для мужчин. Один специалист рекомендовал обязательное участие гинекологов в составе отборочной комиссии для женщин-парашютисток⁹. К тому же, женщины должны были пройти не только физическую, но и «психологическую» проверку из-за опасений, что первый прыжок может вызвать у них истерику и другие травматические последствия.

Были и другие обстоятельства, мешавшие стремлению женщин покорить воздух. Несмотря на публичный военизированный фасад, в Осоавиахиме нередкими были недисциплинированность, дефицит материальных средств, хищения и растраты. Большинство организаций ниже областного уровня были недолговечными или существовали только на бумаге, а в тех, которые все же существовали, трудности со снабжением, проблемы антисанитарии и нехватки помещений оказывали губительный эффект на тренировки и дисциплину. Отсутствие средств заставляло многие организации обращаться к полуполюгальной и нелегальной деятельности: расходованию оборонных средств «не по прямому назначению», т.е. к участию в операциях на черном рынке. Более того, были случаи хищения оружия¹⁰. Эти факторы отразились на осоавиахимовской авиации. У некоторых организаций не было аэродромов, ангаров, зданий. Работа ряда аэроклубов не была санкционирована центром, и они действовали на свой страх и риск¹¹. Названные серьезные недостатки проявились прежде всего в осоавиахимовском парашютизме. Самый очевидный результат всего этого - рост числа аварий и человеческих жертв¹².

Трудно сказать, как эти проблемы затрагивали женщин-парашютисток. Однако представляется, что женщины страдали от различных форм притеснений и наказаний, начиная от незначительного пренебрежения до прямой травли. Возможно, сталинский режим просто закрывал на это глаза. Интересно, что ни в центральных партийных, ни в военных, ни в осоавиахимовских архивах невозможно найти изложения развернутой позиции органов руководства относительно военной службы женщин, нет даже намека на движение в этом направлении. Вопрос о женщинах в обороне оставлен на усмотрение местных командиров и кадрового состава. И только серия заметных катастроф с участием женщин-парашютисток вынудила Политбюро пересмотреть свою политику «самотека».

В конце 1935 года комиссия из Комитета партийного контроля (КПК) доложила в Политбюро о состоянии парашютизма в Осоавиахиме. Согласно КПК, в 1934 году в РККА при прыжках с парашютом разбилось 30 человек, в Осоавиахиме 13; за первые 9 месяцев 1935 года - 12 и 22 соответственно. Однако Комитет сразу обратил внимание на возможную неточность информации из-за

недостатка достоверных источников и надежных способов подсчета. Ни ВВС, ни Осоавиахим не могли предоставить специальную информацию о типах используемых парашютов или методах работы на местах¹³.

Тем не менее, наблюдатели не оставили без внимания то, что *во всех катастрофах, обозначенных в отчете, фигурируют женщины*. Наиболее ярким примером, на который указывает КПК, был небольшой «бунт» узбекских женщин-парашютисток, которые отказались прыгать во время массовых мероприятий ЦК Комсомола Узбекистана и Ташкентского Осоавиахима¹⁴. В отчете предполагается существование многих подобных инцидентов в системе Осоавиахима.

Однако, и после этого отчета женщины-парашютистки продолжали ставить мировые рекорды (хоть и в меньшем объеме), а региональные лидеры Осоавиахима «мягко» принуждали их удовлетворять любовь местных партийных чиновников к «парадным прыжкам» во время разного рода праздников.

Результатом этих парадных пристрастий стала гибель в 1936 году трех известнейших парашютисток: Любви Берлин, Натальи Бабушкиной и Тамары Пясецкой. Члены Политбюро были лично знакомы со всеми тремя, так как девушек не раз приглашали на общественные мероприятия. Реакция руководства была очень резкой: Роберт Эйдеман, Председатель Центрального Совета Осоавиахима, и очень известный военный руководитель был вынужден публично принести свои извинения в газете «Правда»¹⁵.

Сразу после этого комиссия Политбюро, возглавляемая Николаем Ежовым - будущим руководителем НКВД - представила на рассмотрение доклад, в котором Эйдману делался выговор за неправильное руководство советским парашютизмом и «за легкомысленное отношение» к разрешению прыжков. Самым серьезным было то, что Осоавиахиму запретили посылать парашютистов на всякого рода празднества, «имея в виду, что парашютные прыжки являются не цирковым трюком, а серьезным делом, требующим соответствующей организации, подготовки и обстановки для совершения показательного прыжка», как писал Ежов¹⁶.

Похороны трех парашютисток в Москве были буквально обозначены как первое гражданское интернирование «новой советской женщины». Некрологи и сообщения о погребальных церемониях появились во всех главных изданиях. Журналист Лазарь Бронтман писал, что «несколько тысяч» человек пришли проститься с погибшими. На площади перед крематорием состоялась «гражданская панихида». Совет Народных Комиссаров Союза ССР назначил матери Натальи Бабушкиной пожизненную пенсию в размере 200 рублей и объявил, что астроном в Симферополе назвал три новых астероида именами парашютисток: Люба, Тамара, Ната¹⁷.

Но патетика и печальные сцены несли в себе и другой подтекст - теперь на женщину следовало смотреть как на пассивную жертву. Вскоре после гибе-

ли парашютисток Центральный Совет Осоавиахима начал кампанию острой критики против тех командиров аэроклубов, кто «скрывал женщин-кандидатов в пилоты, которые совершенно очевидно не соответствовали требованиям»¹⁸. Осоавиахимовская пресса печатала рассказы о других инцидентах при подготовке женщин и требовала наказания виновных партийных руководителей¹⁹. С этого времени Осоавиахим не акцентировал больше внимания на деятельности женщин-парашютисток, которая притягивала к себе критические молнии, подобно громоотводу.

Командиры на местах чутко среагировали на исходящий из центра намек на генеральную линию власти, которая называла парашютиста «не только спортсменом, но и солдатом», и по собственной инициативе ограничили доступ женщин в аэроклубы. Постепенно в течение 1937-1939 гг. парашютизм выпал из разряда возможностей для женщин. Пропаганда, которая описывала парашютизм как деятельность, открытую для всех, была направлена только на самих женщин в таких журналах, как «Работница».

Таким образом, политика заметно изменилась: государственные похороны *парашютисток* явились погребением образа новой советской женщины, как бойца. Миф о *парашютистках* вскоре был вытеснен прежним мотивом о женщине-защитнице и кормилице и воплотился в образе женщины, занимающейся противовоздушной и химической обороной своего района или дома. Новый образец гражданской добродетели - жена командира - побуждал нести «культуру», подчеркивал необходимость «женской хозяйственной заботливой руки» в аэроклубах²⁰. Пропагандисты режима пытались также оживить романтику гражданской войны через образ «боевой подруги», берущейся за оружие только тогда, когда оно выпадает из рук мужчины, и то только на время.

Амбивалентность военной подготовки женщин заключалась в провозглашении принципа необходимости тренировать женщин только в «нужных» областях военного искусства. «Для всех ясно, что женщины более уместны в военно-медицинских учреждениях, противовоздушной и химической обороне, обслуживании армии в тылу»²¹. В ноябре 1939 года в «Известиях» на первой полосе была опубликована статья известной женской активистки Валентины Хетагуровой, которая критиковала «чрезмерное увлечение военной авиацией, характерное для многих наших девушек», как «не совсем законное и нереальное»²². Имели место совсем скандальные ситуации, например, такие как инцидент со старухой, которую заставили участвовать в спортивной стрельбах. Руководство Осоавиахима также критикует местные организации за набор фиксированного процента женщин в кружки обороны, что довольно странно в свете продолжающегося подозрения о «раздутости» данных о членстве²³.

Эти замечания заставили мужчин-руководителей на местах сделать «очевидные» для них выводы: надо стремиться не допускать нахождения женщин рядом с мужчинами во избежание возможного негативного влияния на мораль.

Имеются сильные указания на то, что интерес к парашютизму и военному делу, возникший среди женщин, тем не менее не удалось быстро и легко потушить. Более того, мы можем видеть, что значительное число женщин продолжает выполнять ключевые функции в Осоавиахиме. Массовый наплыв мужчин-призывников в Красную Армию заставил местных лидеров Осоавиахима даже увеличить набор женщин на роль инструкторов, и многим из них пришлось обучать мужчин.

Создание этого «скрытого кадрового состава» в Осоавиахиме в лице женщин, обладавших руководящим и военным опытом, оказалось важным во время крупномасштабных битв Великой Отечественной Войны. Тогда были созданы небольшие, хорошо натренированные, сплоченные группы бойцов-женщин. Однако за редким исключением женщины на руководящих позициях отдавали приказы исключительно другим женщинам.

На реальных полях сражений женщины-специалисты, такие, как пилоты, снайперы, и даже медицинские работники, которые вытаскивали раненных мужчин с поля боя, почти всегда работали в одиночку или в паре²⁴. Женщинам-партизанам также давали специальные задания, которые они выполняли самостоятельно. По большей части эти женщины не воевали с оружием в руках непосредственно рядом с мужчинами по моральным соображениям.

Фактически, понятие «женщина на передовой» несло и продолжает нести уникальную двусмысленность. Работать *на поле боя* никогда не означало того же самого, что воевать «*на фронте*». Как хорошо известно, после войны была развернута неофициальная «кампания по очернению» женщин, служивших на фронте во время войны, которая часто заставляла их скрывать свои личные истории, не рассказывать о том, что они делали во время войны²⁵.

Гендерный миф о советском патриотизме требовал, чтобы эти жертвы не присутствовали в официальном публичном дискурсе. Только дискредитирование последнего разрешило некоторую переоценку милитаризации жизни женщин в сталинскую эпоху, принимающую во внимание причины и следствия этой милитаризации.

---

¹ M. Geyer, ed., *Militarization of the Western World* (Rutgers University Press, 1989).

² J. Elshtain, *Women and War* (New York, 1987).

³ T. Mamonova, *Russian Women's Studies: Essays on Sexism in Soviet Culture* (Oxford, 1989); Дурова Н. Записки кавалерист-девицы (Казань, 1979).

⁴ Также следует отметить, что *парашиотизм* обслуживал важную функцию в официально продвигаемом формировании сознания в рамках Советской «семьи народов». Об историческом анализе основных компонентов этой политики см.: T. Martin,

The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939 (Cornell University Press, 2001).

- ⁵ Самые известные вышки находились в парках культуры и отдыха. Большинство таких аттракционов Осоавиахим сдавал в аренду частникам, которые пользовались особым статусом этой организации для собственной выгоды. Эта деятельность не осталась незамеченной: в статье «Парашютные вышка или коммерческий аттракцион?» возмущенный читатель «Правды» жаловался, что прыжок с вышки в Пушкинском парке в Киеве стоит рубль, хотя должен быть бесплатным. «Кто же дал право разным администраторам парков и садов, - спрашивает читатель, - превращать здоровый массовый спорт в коммерческий аттракцион подобно карусели или комнате смеха?» см.: *Правда*, 17.07.1935.
Контраст между развлечением и более опасными аспектами «массового оздоровительного спорта» вскоре станет очевидным.
- ⁶ К. Petrone, *Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin* (Indiana University Press, 2000), p. 83. Всего только после четырех прыжков, парашютистку Любу Берлин пригласили прыгнуть во время первого Дня Авиации (1933). См.: Берлин Л. Записки парашютистки (М., 1938), с. 38.
- ⁷ *Правда*, 28.06.1936.
- ⁸ См. автобиографический очерк Натали Бабушкиной, *Комсомольская правда*, 27.6.1936.
- ⁹ Лукин А. Из опыта подготовки парашютиста (Киев, 1938), с. 119. Очевидно, широко распространены были опасения, что женщины могут стать бесплодными после прыжков.
- ¹⁰ Случаи хищения оружия требовали непосредственного сообщения органам НКВД. Например, см.: ГАРФ ф. 8355, оп. 6, д. 26, л. 60 (25.03.37); РГВА ф. 9, оп. 36, д. 4271, лл. 39-41 (8.06.40).
- ¹¹ ГАРФ ф. 8355, оп. 1, д. 108, л. 63.
- ¹² ГАРФ ф. 8355, оп. 5, д. 9, л. 201, 201 об. В 1934 году ВВС зарегистрировали восемь парашютных смертей в Осоавиахиме, - цифра, которая была явно преуменьшена (до этого времени не велось никаких записей).
- ¹³ ГАРФ ф. 8355, оп. 5, д. 11, лл. 175-182. Комитет состоял из Л. Петерса, М.Ф. Шкириатова и Н.В. Куйбышева. Последний (брат В.В. Куйбышева, позже руководитель Госплана) был членом Военного Комитета КПК и специально назначенным наблюдателем за Осоавиахимом.

- ⁴ Ранее, партийная газета «Правда Востока» широко пропагандировала «большой успех» празднования Дня Авиации в Ташкенте, которое включало в себя прыжки трех парашютисток-националок. Газеты «привязали» их подвиг к проводящейся в республике кампании по освобождению женщин. См.: *Правда востока*, 26.08.1935. См. также: D. Northrop, *Veiled Empire: Gender & Power in Stalinist Central Asia* (Cornell University Press, 2004).
- ⁵ *РГАСПИ ф. 17, оп. 163, д. 1082, л. 126; Правда*, 28.06.1936.
- ⁶ *РГАСПИ ф. 17, оп. 163, д. 1119, л. 103.*
- ⁷ *На страже*, 30.03.1936, 12.07.1936; Бронтман Л. Дневники и письма, URL: <<http://militera.lib.ru/db/brontman lk/1936.html>>.
- ¹⁸ *На страже*, 28.06.1937.
- ⁹ Например, 6 июля в Ленинграде три девушки-осоавиахимовки утонули во время ночного тренировочного похода по Неве. *На страже*, 8.07.1936; *Ленинградская правда*, 9.07.1936. Также возросло число секретных докладов о гибели женщин в осоавиахимовских тирах, см.: *ГАРФ*, ф. 8355, оп. 6, д. 26, лл. 63, 65.
- ²⁰ *На страже*, 12.05.1940.
- ¹ *На страже*, 21.05.1940.
- ²² *Известия*, 20.11.1939.
- ²³ *На страже*, 3.6.1940.
- ²⁴ См.: Иванов Ю. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах (М., 2002); R. Pennington, *Women, Wings, and War* (University of Kansas Press, 2001); K. Cottam, *Women in War and Resistance: Selected Biographies of Soviet Women Soldiers* (Nepean, Canada, 1998).
- ²⁵ См.: Алексиевич С. У войны - не женское лицо, авторская редакция (М., 2004).